

Азия: вызовы и перспективы

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-116-134

Андрей Владимирович ГУБИН

Дальневосточный федеральный университет

Суханова ул., 8, Владивосток, Приморский край, 690000, Российская Федерация

andrey.gubin@mail.ru

Станет ли Южно-Китайское море китайским *mare nostrum*? Военно-стратегический и внешнеполитический аспект территориальных претензий Китая в Южно-Китайском море

АННОТАЦИЯ. Южно-Китайское море постепенно становится ареной столкновения глобального гегемона – США и растущего Китая. Пекин заинтересован в контроле над данным районом для обеспечения собственной безопасности, тогда как Вашингтон намерен укрепить собственное влияние, в том числе для сдерживания китайского экспансионизма. Обе стороны по-своему трактуют международное право и повышают военную активность в ЮКМ, что может быть чревато серьезным конфликтом. Между тем два центра силы находятся сегодня скорее в состоянии комплексной взаимозависимости, чем глобальной конфронтации. Новое прочтение противоречия придаёт «мессианская» стратегия Китая «Один пояс – один путь», опирающаяся во многом на контроль над морскими пространствами. Южно-Китайское море ста-

новится жизненно важным для КНР, так как через него осуществляются ключевые коммуникации с внешним миром. Насколько Пекин преуспеет в том, чтобы сделать ЮКМ *mare nostrum*, настолько устойчивой будет политическая система страны. Вашингтону, в свою очередь, выгодно поддержание нестабильности в данном районе для недопущения китаизации Восточной Азии. Кроме того, в случае ухудшения двусторонних отношений Америка должна быть в состоянии реализовать стратегию «геоэкономического удушения» для устранения соперника. Государства ЮВА не склонны напрямую участвовать в «большой игре» и выбирают союзника скорее *ad hoc* исходя из принципа выгоды, сформировать какого-либо антикитайского противовеса они не в состоянии. Попытка разрешить спорную ситуацию с помощью судебного разбирательства

фактически провалилась, так как Китай не только не признаёт решения, но и продолжает экспансионистскую политику. Единственным положительным моментом следует признать формирование более продуктивных переговорных позиций стран региона с Китаем – политические разногласия могут быть урегулированы инвестициями и преференциями. Данный инструмент «умной силы» может постепенно склонить чашу весов в пользу Пекина.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Китай, США, Южно-Китайское море, Юго-Восточная Азия, безопасность*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Губин А.В. (2017). Станет ли Южно-Китайское море китайским *mare nostrum*? Военно-стратегический и внешнеполитический аспект территориальных претензий Китая в Южно-Китайском море. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10 (5). 116-134. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-116-134

Asia: Challenges and Perspectives

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-116-134

Andrey V. GUBIN

Far Eastern Federal University

8, ul. Sukhanova, Vladivostok, Primorsky Krai, Russian Federation, 690000

andrey.gubin@mail.ru

Will the South-Chinese Sea Become the Chinese Mare Nostrum? Military Strategic and Foreign Policy Aspect of the Territorial Claims of China in the South-Chinese Sea

ABSTRACT. *South-China Sea has been gradually becoming a place of collision of the USA as an acting global hegemon and growing China. Beijing is strongly interested in controlling this area for the purposes of national security as Washington intends to enhance its influence and containing Chinese expansionism. Both parties freely manipulate with the International law and simultaneously raise military activity within the South-Easat Asia that can cause a serious conflict. Nevertheless, two contemporary centers of power likely to sustain com-*

plex interdependence relationship than start a global confrontation. Brand new vision of coercion is inspired by messian Belt and Road Initiative backing mostly on sealanes control. South-China Sea has been becoming vitally important for China as it is a hub of international communications. The better Beijing controls mare nostrum the more stable its political system is. Respectively, Washington benefits from unstability in SCS for preventing sinization of the entire East Asia. Moreover, in the case of deteriorating bilateral ties America should be

ready for implementation “geo-economic stranglehold” strategy aimed to destroy the rival. South-East Asian nations do not tend to participate in the Great Game directly and choose ad hoc ally strategy as they are totally unable to form an Anti-China coalition. An attempt to resolve the dispute on the principle of international law factually failed – China doesn’t acknowledge Tribunal decision and recommendations but continues expansionist policy as well. The only positive moment can be found in introducing new negotiation positions among pretending ASEAN members – all the tensions are to be mitigated by investments and privileges. This “smart power” instrument is able gradually to bring China a victory.

KEYWORDS: *China, the USA, South-China Sea, South-East Asia, security*

FOR CITATION: Gubin A.V. (2017). Will the South-Chinese sea become the Chinese mare nostrum? Military-strategic and foreign policy aspects of the territorial claims of China in the South-Chinese Sea. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 10 (5). 116-134. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-116-134

Причины нарастания конфликтного потенциала

В настоящее время политические и экономические процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе сосредоточены вокруг американско-китайских отношений. При этом, несмотря на по-

пулярный в экспертной среде тезис об антагонизме между Пекином и Вашингтоном, связи между ними носят, скорее, характер комплексной взаимозависимости. Иными словами, ситуация глобальной биполярности сегодня вряд ли возможна в силу отсутствия равного США и их союзникам по комплексной мощи антагониста с иной идеологией.

Согласно неомарксистским воззрениям американского социолога и философа Иммануила Валлерстайна, Китай не в состоянии возглавить мировой пролетариат, поскольку ставит во главу угла собственный экономический рост и формирование среднего класса¹. В связи с этим Пекин имеет больше общего с Вашингтоном, чем его европейские союзники по НАТО.

Тем не менее формирование предлагавшейся Збигневом Бжезинским «Большой двойки» в качестве глобального дуумвирата сегодня также невозможно ввиду различных ценностных установок двух государств и наличия геополитических противоречий в Азиатско-Тихоокеанском регионе².

Существуют и другие мнения относительно системообразующего характера внешней политики Китая в АТР, допускающие, что к нарушению сложившегося статус-кво меньше всего стремится Китай³. Регион не находится на грани катастрофы, а баланс сил достаточно устойчив, поскольку представляет собой, скорее, одностороннее подавляющее превосходство США над потенциальными соперниками.

1 Wallerstein I. How to think about China. *Commentary* 273. January 15, 2010. URL: <https://www.iwallerstein.com/how-to-think-about-china/> (Accessed: 01.08.2017); Wallerstein I. China and the United States: partners? *Commentary* 441. January 15, 2017. URL: <https://www.iwallerstein.com/china-and-the-united-states-partners/> (Accessed: 01.08.2017); Wallerstein I. China and the World System since 1945. Lecture at Yale University. November 18, 2013. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=uQV0w11wVO8> (Accessed: 01.08.2017).

2 Brzezinski Z. The Group of Two that could change the World. *Financial Times*. January 14 2009. URL: <https://www.ft.com/content/d99369b8-e178-11d0-afa0-0000779fd2ac> (Accessed: 01.08.2017)

3 Бабонес С. Азиатско-Тихоокеанский регион стабильнее, чем принято считать. *Российский Совет по международным делам: официальный сайт*. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=5496&active_id_11=68#top (Дата обращения: 15.08.2017)

В настоящее время Китай – вторая экономическая и, вероятно, третья военная держава в мире реализует масштабный проект «Пояс и Путь», или «Один пояс – один путь», который фактически состоит из сухопутного и морского компонентов. Глобальный проект имеет задачи как консолидации страны, так и укрепления её геополитических и геоэкономических позиций⁴. Если сухопутная инициатива по созданию единого евразийского экономического пространства коррелируется с аналогичными идеями России, Монголии, Ирана, Индии, Республики Корея и центральноазиатских государств, то Морской Шёлковый путь XXI века представляет собой уникальную программу. Около 90% внешней торговли Китая осуществляется водным транспортом, в том числе значительное количество нефти и сжиженного природного газа поступает в страну по морю. От качества внешнеторговых операций зависят темпы роста национальной экономики, которые напрямую определяют внутриполитический климат в КНР.

В этой связи для современного Китая жизненно важное значение приобретает Южно-Китайское море, так как именно через него проходит основной товарообмен Китая с остальным миром. Китай знаком с западными геополитическими концепциями и всерьез опасается осуществления США и их союзниками военно-морской блокады с целью ослабления экономического и политического потенциалов Поднебесной⁵. Можно сказать, что для Пекина важно не столько установление фактического суверенитета над определёнными территориями и аквато-

риями в Южно-Китайском море и не восстановление исторической справедливости, а скорее обеспечение безопасности транспортных коммуникаций как системообразующего фактора экономического роста и политической стабильности страны (Комиссина, 2017, с. 60–81).

В начале 2014 г. в обращении к делегатам ВСНП от НОАК Си Цзиньпин отметил необходимость усилий по скорейшей модернизации вооружённых сил и улучшению их потенциала по достижению победы в возможной войне, так как Китай в любое время и при любых обстоятельствах должен быть в состоянии отстоять свои законные национальные интересы (Jian Zhang, 2015, p. 5–19). Подобный беспрецедентный упор на национальные интересы также имеет смысл для внутренней политики, поскольку, если Пекин отступит от своих притязаний в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, то среди населения может начать нарастать критика в адрес Коммунистической партии.

Бесспорно, подобная расстановка акцентов беспокоит США, которые не готовы уступить центральное место в восточноазиатском комплексе региональной безопасности Китаю. В этой связи Южно-Китайское море быстрыми темпами становится ареной американо-китайского противостояния. Данный район фактически соединяет Африканский рог с Японским морем, потому контроль над ним дает доступ ко всему «римланду» Восточного полушария (Karlan, 2014, p. 14). Несмотря на отсутствие у США прямых интересов, Вашингтон неоднократно выражал намерение твердо защищать пози-

4 Yale W. China's Maritime Silk Road Gamble. *The Diplomat*. April 22, 2015. URL: <http://thediplomat.com/2015/04/chinas-maritime-silk-road-gamble/> Accessed: 01.08.2017)

5 Mirski S. Stranglehold: The Context, Conduct and Consequences of an American Naval Blockade of China. *Journal of Strategic Studies*. February 12, 2013. URL: <http://carnegieendowment.org/2013/02/12/stranglehold-context-conduct-and-consequences-of-american-naval-blockade-of-china-pub-51135> (Accessed: 01.08.2017)

ции стран АСЕАН в «морских дебатах» с КНР (Valencia, 2012, p. 56–73). Как представляется, американцам крайне выгодно если не реальный противовес Китаю в регионе, то, по крайней мере, поддержание беспокойной атмосферы⁶.

Если оттолкнуться от определения, предложенного Жан-Марком Бланшаром, то ситуация в Южно-Китайском море весьма характерна для так называемых «подростковых государств». Такие государства отличают быстрые темпы роста, размытая идентичность и недостаточно зрелое политическое поведение с явным «максималистским» стремлением к расширению сферы влияния и повышению статуса (Blanchard, 2003, p. 424–457).

Несмотря на рост напряжённости в Южно-Китайском море, вероятность крупного военного конфликта крайне невысока. Вашингтон неоднократно заявлял о своей неготовности вмешиваться в ситуацию военным путём (Banlaoi, 2013). Роберт Каплан предполагает, что в районе Южно-Китайского моря сложилась ситуация «военной многополярности», когда ни один из игроков не располагает подавляющей силой для установления полного контроля. При этом государства, претендующие на влияние, не готовы проводить сухопутные операции, которые могут привести к значительным жертвам, а будут опираться на «механовскую» концепцию «морской мощи», которая не предусматривает прямых масштабных столкновений (Kaplan, 2014, p. 15–17).

Если Китай собирается использовать военную силу для защиты своих территориальных претензий в Южно-

Китайском море, его потенциал будет превосходить потенциалы региональных государств. Однако, как представляется, Пекину интересен АСЕАН как экономический союзник, а не военный противник, поэтому Китаю придётся превозмочь «подростковое» поведение. Более того, действия КНР вполне укладываются в логику «регионального гегемона», который в условиях анархичности международной системы склонен максимизировать долю могущества (Mearsheimer, 2001, p. 2, 168). Помимо переговоров с США и странами АСЕАН, интенсификации экономических связей Пекин будет делать ставку на строительство океанского флота, совершенствование ракет и самолетов, развертывание новых видов оружия.

Однажды президент Филиппин Бенigno Акино в достаточно эмоциональных выражениях сравнил современную китайскую позицию в конфликте в Южно-Китайском море с притязаниями Гитлера на часть чешской территории в 1938 г.⁷ Вообще государства ЮВА, которые также больше походят на «подростковые», ведут себя достаточно активно, особенно при поддержке ВМС США, однако экономические выгоды от сотрудничества с Китаем могут сдерживать часть из них и побудить пойти на уступки. Формирование единого «антикитайского фронта» в ЮВА – достаточно сомнительная перспектива. Тем более что нынешний филиппинский лидер Родриго Дутерте открыто выражает готовность к углублению сотрудничества с Китаем, всячески критикуя и предыдущую, и нынешнюю американские администрации.

6 Канаев В. АСЕАН и кодекс поведения сторон в Южно-Китайском море. *Российский совет по международным делам: официальный сайт*. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1240#top (Дата обращения: 15.08.2017)

7 Bradsher K. Philippine Leader Sounds Alarm on China. *The New York Times*, February 5, 2014. URL: http://www.nytimes.com/2014/02/06/world/asia/philippines.html?ref=asia&_r=0 (Accessed: 15.08.2017)

Ситуация усугубляется также появлением нового потенциального «регионального гегемона» – Австралии. Профессор Хью Уайт уверен, что Канберра заинтересована в сохранении status quo – развитии торгово-экономических связей с Китаем и упрочении американского военно-политического присутствия. Однако в условиях неуклонного роста китайского военного потенциала и его ориентации на Юг, а также усиления экономического потенциала Пекина США могут утратить роль «гаранта стабильности». Поэтому Австралии необходимо будет усиливать военную составляющую и увеличивать удельный вес в политике и экономике ЮВА (White, 2010).

Военно-морские амбиции КНР

Из закрытой континентальной державы Китай превратился в страну с крупнейшей экономикой мира. Его стремление обеспечить безопасность своим морским путям и энергетическим артериям неминуемо приведет к конфликтам с Индией, США и Японией. Вопрос только в интенсивности и характере выражения противоречий (Воскресенский, 2010, с. 22). Именно поэтому Пекин сконцентрирован на создании «флота открытого моря», способного защитить как морские коммуникации, так и интересы государства за пределами прибрежной акватории. Тем более это вполне отвечает масштабной стратегии «Один пояс – один путь», предусматривающей защиту китайских интересов на всём пространстве «Большой Евразии».

С целью защиты национальных ин-

тересов КНР стремится к созданию собственного «флота открытого моря» – ВМС, способных вести боевые действия в океане. Совершенствуя потенциал военно-морских сил НОАК, Пекин делает ставку на асимметричную стратегию ограничения доступа к определенным территориям (anti-access/area denial)⁸. Китай разрабатывает многоцелевые подводные лодки, противокорабельные баллистические ракеты, создает многофункциональные системы боевого управления на принципе C4ISR⁹, а также крылатые ракеты воздушного, морского и берегового базирования и корабельные средства ПВО и ПРО. Уровень агрессии в отношениях Тайваня и материка снижается, также смещаются и акценты тихоокеанской стратегии США, поэтому в военно-морской сфере у Пекина появляются другие приоритеты (O'Pourke, 2013, p. 8).

Согласно данным Министерства обороны США, факторы, которые определяют направления развития флота для Китая, следующие:

- территориальные притязания в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях и потенциальные конфликты с государствами-конкурентами (Dolven, Kan, Manyin, 2014);
- предотвращение военной активности иностранных государств в пределах китайской 200-мильной зоны (Dolven, Kan, Manyin, 2014);
- защита транспортных артерий, по которым осуществляется экспорт энергоресурсов из бассейна Персидского залива;
- возможная защита интересов и в случае необходимости эвакуация

⁸ Данный военно-политический термин также может иметь значение «изоляция потенциального театра военных действий».

⁹ C4ISR – Command, Control, Communications, Computers, Intelligence, Surveillance and Reconnaissance.

граждан Китая, пребывающих за рубежом;

- минимизация американского влияния в Тихом океане.

В рядах военно-политического руководства Китая определенную популярность завоевала концепция 角色转型 «цзюэсе чжуансинь» (трансформации политических ролей), согласно которой статус государства как на региональной, так и на глобальной аренах может измениться по двум причинам. Первая – это неудовлетворённость государства своей ролью в сообществе, отведённой другими его членами. Вторая – несоответствие внешних или внутренних факторов реальному положению государства. В обоих случаях статус страны может быть изменен с помощью определенных методов, в том числе и военного характера (Гурулева, Макаров, 2011, с. 77–90).

В нынешней ситуации усиления мирового кризиса военный флот имеет особую важность с точки зрения обеспечения военной и экономической безопасности, так как защищает коммерческое судоходство, зоны рыбной ловли и добычи природных ресурсов, ведущихся в интересах Китая в любой точке мирового океана. Поэтому тезис о соответствии потенциала военно-морского флота совокупной мощи Китая в целях повышения международного авторитета имеет особое значение¹⁰.

В «Белой книге» Правительства КНР, опубликованной в 2015 г., делается акцент на переходе от защиты преимущественно прибрежных территорий к комплексному обеспечению безопас-

ности не только прибрежных зон, но и в открытом море, а также подчеркивается отказ от традиционных представлений о приоритетной важности сухопутных пространств¹¹. Предположительно знаковым с точки зрения развития сил и средств флота, стратегии и тактики их применения можно будет считать 2021 год, когда Коммунистическая партия Китая отметит 100-летний юбилей со дня своего основания.

Деятельность китайских ВМС будет вовлекать в сферу своего доминирования США, а, потом, вероятно, и Дальний Восток России. В первую очередь Китай стремится получить военноморское господство в «ближней зоне», к которой можно отнести Желтое, Восточно-Китайское и Южно-Китайское моря (на острове Хайнань строится база подводных лодок КНР). В рамках второго этапа к 2020 г. планируется получить возможность противодействия ВМС США в так называемой «средней зоне», то есть в Охотском, Японском морях, а также на пространствах до Каролинских и Марианских островов. Третий этап после 2020 г. должен дать возможность Китаю противостоять флоту США в «дальней зоне» – до Гавайских островов¹².

Вместе с тем необходимо учитывать, что Южно-Китайское море находится в зоне действия наиболее мощного из трёх флотов – Южного флота ВМС НОАК. Потенциальный театр военных действий не слишком удалён от континентальной территории, а крупная военно-морская база на острове Хайнань представляет собой удобный плацдарм для размещения передовых

10 Мануков С. Стремление к господству. *Эксперт*. 23. 01. 2014 г. URL: <http://expert.ru/2014/01/23/stremlenie-k-gospodstvu/> (Дата обращения: 01.08.2017)

11 См.: Чем вооружён флот Китая. *TASS*. 23.09.2016. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3612195> (Дата обращения: 01.08.2017)

12 Арбатов А. Азиатско-тихоокеанская стратегическая панорама стремительно меняется. *Независимое военное обозрение*. 21. 02. 2014. URL: http://nvo.ng.ru/realty/2014-02-21/1_asia.html (Дата обращения: 01.08.2017)

сил. В состав Южного флота также входит корпус морской пехоты (две бригады по 6 тыс. человек и третья формируется на основе 77-й механизированной дивизии), около 28 000 человек могут быть дополнительно мобилизованы в случае необходимости.

Основу флота составят современные эскадренные миноносцы, оснащенные многофункциональной системой управления оружия (МСУО) по образцу американской системы «Иджис». Эти корабли уже включаются в состав ВМС и способны выполнять весь спектр задач – от поражения воздушных и надводных целей до осуществления функции корабля управления в рамках ударных групп, однако их приоритетная задача – дальняя ПВО¹³. В настоящее время на верфях создаются еще восемь кораблей усовершенствованного проекта 052D, которые будут иметь усиленные возможности ПВО и унифицированные ракетные установки, которые позволят применять крылатые ракеты класса «корабль-берег». Новый эсминец проекта 55, планируемый к постройке к 2020 г., будет еще более совершенным с технической точки зрения¹⁴. Высокой боеспособностью обладают корабли российской постройки проектов 956Э и 956ЭМ¹⁵. Главная задача данных судов – уничтожение крупных надводных кораблей противника. При этом их сверхзвуковые ПКР российской разработки при залповом пуске крайне затруднительно перехватить даже с помощью американской системы «Иджис».

ВМС НОАК пока обладают недостаточным количеством кораблей противолодочных сил для выполнения операций сразу в нескольких районах, что удастся исправить к 2021 г., когда в строю будет по 30 кораблей классов «фрегат» и «корвет» новых типов. Однако для акватории ЮКМ таких кораблей, оснащенных современным ракетным оружием, позволяющим обеспечивать противоздушную, противокорабельную и противолодочную оборону, а при необходимости и наносить удары по береговым объектам крылатыми ракетами, уже сейчас более чем достаточно.

Вокруг подплава ВМС НОАК сохраняется максимальная завеса тайны, особенно это касается его атомной составляющей. Современные оценки говорят о двух лодках, постоянно находящихся на боевом патрулировании. К 2020 г. число подводных лодок с баллистическими ракетами (ПЛАРБ) в составе ВМС НОАК, по американским данным, может быть доведено до восьми¹⁶. Также, по некоторым сведениям, в Китае разрабатывается ПЛАРБ нового поколения проекта 096 с 16 ракетами, первая из которых может вступить в строй в 2020 г.¹⁷ Морской компонент стратегических ядерных вооружений должен стать ключевым элементом стратегии «передовых океанских рубежей обороны» (Фененко, 2013, с. 403–405).

Интересно, что в качестве аргумента в пользу необходимости контроля Китаем так называемой первой цепи островов – Тайвань, Сенкаку и Спрат-

13 Китай совершил технологический рывок. *Военный паритет*. 22. 07. 2011. URL: http://www.militaryparitet.com/perevodnie/data/ic_perevodnie/1636/ (Дата обращения: 01.08.2017)

14 Luyang-class multirole destroyer. URL: <http://www.globalsecurity.org/military/world/china/luyang.htm> (Accessed: 18.08.2017)

15 См.: Энциклопедия кораблей URL: <http://ship.bsu.by/ship/102832> (Дата обращения: 01.08.2017)

16 Type 094 Jin-class. URL: http://www.globalsecurity.org/wmd/world/china/type_94.htm (Accessed: 18.08.2017)

17 Annual Report to Congress: Military and Security Developments Involving the People's Republic of China. U.S. Department of Defense. 2014. P. 36. URL: https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2014_DoD_China_Report.pdf (Accessed: 18.08.2017)

ли – эксперты часто называют цели стратегического сдерживания США. Южно-Китайское море имеет среднюю глубину в 1024 м, что делает его привлекательным для патрулирования подводными лодками и их скрытного выхода в Тихий и Индийский океаны. Восточно-Китайское море не так привлекательно, так как его средняя глубина достигает лишь 309 м, а навигационные условия отличаются повышенной сложностью. По мнению профессора Университета Кейо Юичи Хосоя, в настоящее время Китай не обладает достаточными возможностями для нанесения ответного ядерного удара по США, потому наиболее вероятные стратегии выживания для него – нанести удар первым (что противоречит его политическим заявлениям), либо обеспечить максимальную скрытность наземных и морских стратегических вооружений¹⁸.

Многоцелевые атомные подводные лодки предназначены для уничтожения вражеских ПЛАРБ, атаки авианосных ударных групп и соединений кораблей противника, а также для нанесения ударов по наземным целям. В 2010 г. число новых АПЛ составляло до четырех единиц, однако неизвестен уровень технической готовности кораблей. Согласно оценке Министерства обороны США, в настоящее время боевое дежурство несут две лодки, а к 2020 г. их численность планируют довести до шести. При этом, вероятно начиная с третьего корабля, АПЛ строятся по усовершенствованному проекту 095 и могут оснащаться ударным оружием¹⁹. Возможно, в ближайшее время на вооружение бу-

дет поставлена первая из пяти МнАПЛ пр. 095 с установками вертикального пуска для крылатых ракет.

По данным доклада Конгрессу США по военному строительству и деятельности в сфере безопасности КНР 2014 г., Китай намерен развивать морской компонент ядерного сдерживания для формирования полноценной ядерной диады²⁰. Вместе с тем нет достоверных данных о тактическом ядерном оружии китайского флота в виде ядерных боевых частей крылатых ракет и торпед, в том числе боеприпасов морской авиации.

КНР уделяет большое внимание дизельным подводным лодкам, способным эффективно действовать в прибрежных водах. Согласно имеющимся данным, в составе ВМС НОАК находится до 56 ДПЛ (O'Pourke, 2013, p. 13). К 2020 г. должно быть развернуто порядка 78 лодок, в основном новых типов (Kaplan, 2014, p. 14). В строй вступила и первая лодка проекта 032, вооружённая крылатыми ракетами в установках вертикального пуска, которая является самой крупной неатомной ПЛ в мире.

Растут и возможности ВМС по доставке и высадке десанта. В 2008 г. состоялся ввод в строй десантно-высадочного корабля-дока (ДВКД) проекта 071. Сегодня таких кораблей в ВМС НОАК уже четыре (Saunders, 2012, p. 166–167). В июне 2013 г. на Украине были закуплены четыре больших десантных катера на воздушной подушке²¹. Планирующееся строительство универсального десантного корабля проекта 081, который можно сравнить

18 «Японская стратегия безопасности в Северо-Восточной Азии». Выступление Юичи Хосоя на «круглом столе» в Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. 15.03.2017.

19 Shang-class. URL: <http://www.globalsecurity.org/military/world/china/type-95.htm> (Accessed: 18.08.2017)

20 Annual Report to Congress: Military and Security Developments Involving the People's Republic of China. U.S. Department of Defense. 2014. URL: https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2014_DoD_China_Report.pdf htm (Accessed: 18.08.2017)

21 Chan Minnie. Experts dismiss PLA Navy's landing craft from Ukraine as giant toys. *South China Morning Post*. June 25, 2013.

с американским кораблем типа «Уосп», также подтверждает стремление высшего руководства КНР усилить амфибийную составляющую китайских ВМС. Первый корабль войдет в состав ВМС НОАК уже через пять лет, потребность оценивается в 4 единицы²². Иными словами, сегодня ВМС КНР может достаточно эффективно использовать потенциал бригад морской пехоты и высаживать десант на неподготовленное побережье.

25 сентября 2012 г. в состав флота вошёл авианесущий крейсер «Ляонин», бывший «Варяг», который приписан к порту ВБМ Циндао²³. Корабль может нести на борту до 36 летательных аппаратов, однако в настоящее время он не является полноценной боевой единицей, а находится на ходовых испытаниях. Кроме того, на нем проходят подготовку военные летчики и отрабатывается взаимодействие сил флота и ВВС в рамках авианосной группировки²⁴. Согласно некоторым данным, высшее военное командование КНР решило остановиться на строительстве двух кораблей типов 001 и 002, имеющих разный дизайн. Согласно имеющейся информации, первый должен получить название «Шаньдун» и будет ближе к усовершенствованному «Варягу». Второй же, вероятно, будет построен по американскому образцу и будет располагать более мощной авиагруппой и паровыми катапультами (в перспективе электро-

магнитными). Его вступление в строй возможно в 2021–2024 гг., при этом потребности флота оцениваются в 4 единицы²⁵.

В последние годы Китай значительное внимание уделяет также вопросам материально-технического обеспечения боевых кораблей в океанских водах, активно создавая специализированные быстроходные транспорты и танкеры. В случае необходимости тылового обеспечения десантной операции к ней может быть привлечено и значительное количество ролкеров (судов для перевозки техники и ж.д. составов) и контейнеровозов торгового флота²⁶.

К «асимметричному ответу» также может относиться создание Китаем противокорабельных баллистических ракет наземного базирования. Несколько раз испытывалась ракета DF-21D с маневрирующей головной частью, которая способна поражать движущуюся надводную цель на расстоянии до 1500 км. Как полагают некоторые эксперты, подобные ракеты наряду с развитием электронных систем наведения, целеуказания и обнаружения могут представлять серьезную опасность для американского флота в западной части Тихого океана²⁷.

Современное развитие ВМС НОАК в целом соответствует доктрине создания флота для ведения действий в ближней океанической зоне. Можно

22 Parsons T. Chinese shipbuilder unveils possible Type 081 design. *Jane's Defence Weekly*. March 28, 2012; New Chinese ships causing alarm. *Taipei Times*. May 31, 2012.

23 China Carrier Permanent Base is Qingdao. *Associated Press*. February 27, 2013. URL: <http://www.sandiegouniontribune.com/sdut-reports-china-carrier-permanent-base-is-qingdao-2013feb26-story.html>. (Accessed: 18.08.2017)

24 China plans new generation carriers as sea disputes grow. *Bloomberg News*. April 24, 2013. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2013-04-24/china-plans-to-build-new-generation-of-bigger-aircraft-carriers>. (Accessed: 18.08.2017)

25 Китай начал строительство второго авианосца. *Российская газета*. 21.01. 2014. URL: <http://www.rg.ru/2014/01/21/kitay-site-apons.html>. (Дата обращения: 15.08.2017)

26 Beckhusen R. China Now Using a Cruise Ship to haul Troops and Tanks. *Danger Room*. August 31, 2012. URL: <https://www.wired.com/2012/08/chinacruise/> (Accessed: 18.08.2017)

27 Erickson, Andrew S. Ballistic Trajectory – China develops new anti-ship missile. *Jane's Intelligence Review*. January 4 2010. URL: <http://www.andrewerickson.com/2010/01/ballistic-trajectory%E2%80%94china-develops-new-anti-ship-missile/> (Accessed: 18.08.2017)

утверждать, что задачи противодействия силам ВМС США пока носят второстепенный характер, делается акцент на сдерживание региональных конкурентов и постепенный выход в открытые воды. Рост технического уровня и численности состава флота пока не дает Китаю безусловного морского превосходства в регионе, однако неизменно угрожает ключевым государствам АТР (Барабанов, Кашин, Макиенко, 2013, с. 50–51).

Возможности государств Юго-Восточной Азии – потенциальных соперников Китая

Наиболее динамичным регионом с точки зрения военной активности государств является Юго-Восточная Азия. Рынок вооружений ЮВА весьма скромный – его ёмкость оценивается всего в 2–3 млрд долл. ежегодно. Однако он достаточно разнообразен в плане поставщиков в отличие от Северо-Восточной Азии, где успешно работают США, Россия, Великобритания, Франция, Швеция и Китай. Страны региона стремятся к ведению независимой торговой внешней политики, поэтому они активно диверсифицируют оружейные поставки, чтобы не зависеть от какого-то одного экспортера.

Согласно некоторым оценкам, ёмкость рынка вооружений стран Юго-Восточной Азии будет увеличиваться, так как экономики стран региона по-

степенно восстанавливаются, а правительства наращивают оборонные бюджеты. Например, после переворота 2006 г. тайская военная хунта увеличила военные расходы на 34% в 2007 г. и на 24% в 2008-м. Кроме того, утвержденный в ноябре 2007 г. десятилетний план развития вооруженных сил предусматривает выделение порядка 10 млрд долл. на программу модернизации с 2009 г., что в итоге увеличило долю этой статьи расходов в ВВП с 1,4 % до 2% к 2014 г.²⁸.

Другие государства региона показывают схожую динамику оборонных расходов, согласно данным СИПРИ. Так, военный бюджет Малайзии увеличился с 2000 по 2011 г. почти в два раза – с 1,7 до 3,26 млрд долл. соответственно, а в 2015 г. он составил 5,4 млрд долл., что на 10% выше уровня 2014 г.²⁹. Джакарта за это же время увеличила финансирование обороны втрое – с 2,2 до 6,8 млрд долл., без учета торговых кредитов. По состоянию на 2015 г. Индонезия выделила на нужды обороны 8,1% – рост по сравнению с 2014 г. составил беспрецедентные 14%³⁰. Сингапур, чьи военные расходы с 2000 по 2012 г. выросли с 4,6 до 9,7 млрд долл., не намерен на этом останавливаться и готов к приобретению высокотехнологичных боевых систем. В 2014 г. военные расходы государства превысили 12 млрд долл.³¹.

Логично сделать предположение, что наращивание военных возможностей стран ЮВА может привести к существенной дестабилизации в регионе. Одним из полей противостояния явля-

28 Bitzinger, Richard A., Rajaratnam S. Southeast Asian Military Modernization. School of International Studies, Singapore. February 2011. URL: http://www.eastwestcenter.org/fileadmin/resources/washington/images/events/Bitzinger_PowerPoint-_EWCW_2-2-11.pdf (Accessed: 18.08.2017)

29 Malaysia increases 2015 defence budget by 10%. URL: <http://www.janes.com/article/44414/malaysia-increases-2015-defence-budget-by-10> (Accessed: 18.08.2017)

30 Indonesia increases defence budget 14%. URL: <http://www.janes.com/article/42069/indonesia-increases-defence-budget-14> (Accessed: 18.08.2017)

31 Данные СИПРИ. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/List_of_countries_by_military_expenditures (Accessed: 18.08.2017)

ется так называемый «блок Амбалат» в Целебесском море, спорный между Индонезией и Малайзией, где напряженность постепенно будет возрастать, если стороны не уйдут от концепции военного противостояния. Ситуация осложняется малайско-индонезийской конкуренцией и растущим интересом к региону со стороны Индии. Таким образом, можно говорить, что напряженность в ЮВА растет, но полномасштабный внутрорегиональный вооруженный конфликт маловероятен – оборонительные потенциалы необходимы региональным игрокам, скорее, для взаимного сдерживания и сохранения собственной независимости от Вашингтона, Пекина или Дели.

Стоит отметить и то, что на процессы внутри АСЕАН накладывает отпечаток и усиление японо-китайского соперничества. Пекин и Токио нацелены на поиск новых партнеров и укрепление собственных позиций. Япония склонна поддерживать страны ЮВА относительно территориальных споров в Южно-Китайском море. Однако страны АСЕАН сегодня не готовы вовлекаться в противостояние, а тем более поступаться конкретными экономическими интересами (Крячкина, 2014, с. 136–151).

Если говорить о технической стороне вопроса, то китайскому океанскому флоту даже в его сегодняшнем виде ни одна из стран АСЕАН ничего противопоставить не может. Боевые корабли класса «фрегат», имеющиеся у Вьетнама, Сингапура, Малайзии, Индонезии предназначены в основном для патрульных функций и весьма немногочисленны. Среди них можно выделить наиболее современные «невидимки» типа «Формидэбл» ВМС Сингапура (шесть) и вьетнамские «Гепарды» (два). Значительно более опасен «москитный флот» ракетных катеров, однако ввиду малой дальности дей-

ствия он привязан к достаточно уязвимым береговым базам.

Вьетнам уделяет значительное внимание подводному флоту, закупая в России современные лодки проекта 636 с широкой номенклатурой вооружений, включая сверхзвуковые ПКР. Такие субмарины (сейчас их шесть) потенциально весьма опасны, учитывая недостаточную развитость китайских противолодочных сил. Тем не менее говорить о реальности боестолкновений между ВМС СРВ и КНР в районе затруднительно – Пекин и Ханой сегодня склонны договариваться, в том числе используя посредничество Москвы.

Австралия намерена ввести уже в ближайшее время в состав флота ЭМ с МСУО «Иджис» типа «Хобарт», способные нести как противоракеты, так и крылатые ракеты. Канберра изучает и вопрос о закупке перспективных неатомных подводных лодок в Японии в случае отмены ею ограничений на экспорт военной продукции или одной из стран ЕС. Вообще деятельность австралийского флота в районе ЮКМ представляется для Китая крайне нежелательной, а ответные действия затрудняются статусом Канберры как союзника Вашингтона.

Ситуация в Южно-Китайском море после третейского разбирательства

В 2013 г. Филиппины инициировали процедуру международного арбитража в адрес Китая. Пекин уведомил Манилу о своём отказе участвовать в разбирательстве. В июле 2016 г. Постоянная палата третейского суда в Гааге приняла решение по предмету спора между Филиппинами и Китаем, которое, согласно ст. 296 Конвенции ООН по морскому праву, должно быть окончательным и обязательным к исполнению. Вместе

с тем Пекин не собирается следовать данному решению международной судебной инстанции и продолжает проводить активную политику в Южно-Китайском море для защиты собственных интересов³².

По мнению Джона Миршаймера, ситуация в ЮКМ напоминает принятие США в 1823 г. доктрины Монро. Тогда европейские государства отказались признать Американский континент зоной, закрытой для их вмешательства, однако практически ничего не смогли противопоставить распространению влияния США. Так и Китай как азиатская сверхдержава уже сегодня в состоянии исключить любое нежелательное вмешательство внерегиональных государств в стратегически важные для него районы (Scott, 2016, p. 302).

Решение Постоянной палаты третейского суда, по сути, касалось четырёх основных пунктов. **Во-первых**, КНР не может настаивать на принятии другими государствами так называемой 南海九段线 «девятипунктирной линии», представленной ещё правительством Гоминьдана в 1947 г. для определения зоны китайских интересов от материкового Китая и острова Хайнань до побережья Малайзии и Брунея почти на экваторе.

Во-вторых, суд постановил, что части отмели Скарборо, рифы Джонсон, Квартерон, Фиери-кросс и МакКеннан являются скалами, которые не могут использоваться для экономической деятельности или проживания людей, а также не являются частью континентального шельфа и не образуют точки отсчёта особой экономической зоны. Риф Мисчиф и вторая отмель То-

маса также не образуют морские зоны, так как являются приливными образованиями. Согласно ст. 121 (3) Конвенции ООН по морскому праву, Палата определила объекты Иту-аба, Титу и Уэст-Йорк в районе Парасельских островов как непригодные для жизни. Иными словами, включая крупнейший природный остров – Иту-аба – ни одна часть островов Спратли не может быть использована для отсчёта исключительной экономической зоны или континентального шельфа. Даже учитывая провозглашение КНР суверенитета над архипелагом, она может претендовать только на 12-мильную зону вокруг данных образований. В Гааге посчитали, что рифы Хьюз, Гавен, Суби и Мисчиф не только не образуют ИЭЗ, но и не могут быть заняты Китаем. Однако так как риф Мисчиф лежит за пределами 12-мильной зоны, было осуждено проведение Пекином на нём любой деятельности, не отвечающей интересам Манилы.

В-третьих, Палата выявила факты нарушения Китаем прав Филиппин на использование ИЭЗ, а также Международных правил предупреждения столкновения судов в море 1972 г.

В-четвёртых, в Гааге осудили проведение китайской стороной строительных работ на островах Спратли. Вместе с тем ввиду некоторых правовых особенностей фактически по пунктам 3 и 4 Китай должен только соблюдать МППСС-72, а также обеспечивать экологическую безопасность в спорном районе. По части 1 Китай должен уважать права Филиппин на освоение природных ресурсов в пределах их 200-мильной зоны, а также полу-

32 Permanent Court of Arbitration, Arbitration between the Republic of the Philippines and the People's Republic of China: Arbitral Tribunal Establishes Rules of Procedure and Initial Timetable. August 27, 2013. URL: <http://www.pcacases.com/web/sendAttach/227> (Accessed: 18.08.2017); Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China, Position Paper of the Government of the People's Republic of China on the Matter of Jurisdiction in the South China Sea Arbitration Initiated by the Republic of the Philippines. December 7, 2014, URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1217147.shtml. (Accessed: 18.08.2017).

чить одобрение Манилы на проведение любой деятельности на рифе Мисчиф. Пункт 2 несколько противоречит сам себе, так как подразумевает одновременно возвращение в природное состояние семи островов и предписывает не проводить там никаких работ. В принципе Китай вполне может создавать искусственные острова либо закрыть часть акватории для экономического освоения на правах заповедника, в том числе обсудив с Филиппинами их конкретную выгоду³³.

По мнению доцента Института стратегических исследований и международных отношений Национального университета обороны (Тайвань) Юй Жуйлиня, в случае с Южно-Китайским морем Китай также предпочёл наступательную дипломатию разного рода компромиссным мерам³⁴. В июле 2016 г. ВМС НОАК провели учения, к которым в сентябре присоединилась и Россия в рамках программы «Морское взаимодействие – 2016». В январе 2017 г. в ЮКМ вошёл авианосец «Ляонин», с которого выполнялись полёты самолётов палубной авиации³⁵. Сигнал всем претендентам на острова и акватории был достаточно ясным – решения Постоянной палаты третейского суда, принятые в Гааге, в ней и останутся, а Южно-Китайское море, в свою очередь, останется китайским «задним двором».

Между тем некоторая политическая реакция на предписания международ-

ного судебного органа все же последовала. В августе 2016 г. президент китайского Национального института изучения Южно-Китайского моря У Шицунь встретился в Гонконге с бывшим президентом Филиппин Фиделем Рамосом для обсуждения вопросов совместного рыболовства и разведения марикультуры в районе отмели Скарборо. В сентябре 2016 г. Пекин и Манила пришли к соглашению о необходимости выработки кодекса поведения в вопросах предъявления прав и мирного решения споров в ЮКМ. Одновременно страны АСЕАН и КНР подписали совместное заявление, подтверждающее их общую приверженность следовать Кодексу о незапланированных встречах в море в регионе для обеспечения безопасности действий военных кораблей и самолётов³⁶.

В октябре 2016 г. новый президент Родриго Дутерте во время визита в Китай заявил о движении двух стран к мирному решению, предусматривающему свободу навигации и полётов, а также создание постоянного двустороннего механизма консультаций. Сразу после этого китайская сторона предоставила расширенные права филиппинским рыбакам на использование спорных вод. На сегодняшний момент остался один нерешённый вопрос – возможность использования китайцами рифа Мисчиф, притязания филиппинцев на который китайцами особенно не оспариваются.

33 Hsiao-Chi Hsu. Sino-Australia Relations after the South China Sea Arbitration. Paper for the Fifth Global International Studies Conference in Taipei, April 1-3, 2017. URL: https://www.conftool.com/wisc2017/index.php?page=browseSessions&form_session=91 (Accessed: 18.08.2017)

34 Yu Rueilin. The impact and influence to China by the South China Sea arbitration. Paper for the Fifth Global International Studies Conference in Taipei. April 1-3, 2017. URL: https://www.conftool.com/wisc2017/index.php?page=browseSessions&form_session=91 (Accessed: 18.08.2017)

35 China aircraft carrier conducts drill in S. China Sea. *Ministry of National Defense, PRC*, January 3, 2017. URL: http://eng.mod.gov.cn/DefenseNews/2017-01/03/content_4769017.htm. (Accessed: 18.08.2017)

36 Huang K., Wong C. China-Philippines fishing deal may help calm troubled South China Sea waters. *South China Morning Post*. August 12, 2008. URL: <http://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/2003044/china-philippines-fishing-deal-may-help-calm-troubled> (Accessed: 18.08.2017)

Несмотря на то, до какого предела признает Пекин решения Постоянной палаты третейского суда, вероятно, это останется исключительно вопросом двусторонних филиппино-китайских отношений, другие претенденты останутся пока ни с чем. Учитывая курс Дутерте на сближение с КНР, Манила вполне может разрешить Пекину оставить возведённые сооружения на рифе Мисчиф в обмен на компенсацию. Более того, уже достигнуты договорённости о выделении Филиппинам финансирования в виде прямых инвестиций и льготных займов в общем размере до 24 млрд долл., а также создании в стране дополнительно 2 миллионов рабочих мест для местного населения. Во время визита в КНР Дутерте подписал также соглашения о расширении филиппино-китайского экономического сотрудничества, в частности в области финансов, туризма, высоких технологий, транспорта и инфраструктуры³⁷.

Ещё большие перспективы связаны с включением Филиппин в китайскую стратегию «Один пояс – один путь». В страну уже начали поступать первые китайские инвестиции из общей суммы в 7 млрд долл. на строительство двух ветвей железных дорог, дамбы и насосных ирригационных сооружений³⁸.

Представляется, что КНР не намерена в полной мере соблюдать решение Постоянной палаты третейского суда в Гааге. Достаточно чётко обозначилась тенденция интенсификации двусторонних переговоров с Манилой на экономическом базисе. Вместе с тем предстоит решить три главных вопроса –

вред окружающей среде от возведения искусственных сооружений; незаконное занятие рифа Мисчиф и возведение на нём объектов без официального разрешения филиппинской стороны. С учётом сохранения союзнических отношений между Манилой и Вашингтоном последний будет использовать данные нерешённые вопросы в своих интересах, прежде всего проводя операции по защите свободы навигации.

С 1995 г. Китай традиционно объявлял запрет на рыболовство в районах Южно-Китайского моря севернее 12 градуса с.ш. В этом году он продлил обычный период еще на месяц – с 1 мая по 16 августа. Данное решение немедленно было оспорено официальным Ханоем, представитель МИД СРВ Ле Хай Бинь заявил, что односторонние действия КНР серьезно нарушают вьетнамский суверенитет и идут вразрез с нормами международного права³⁹. При этом Манила не только воздержалась от протеста, но и объявила большую лагуну в районе отмели Скарборо морским заповедником, где запрещена любая хозяйственная деятельность.

С начала XXI века ВМС НОАК постоянно проводят маневры в Южно-Китайском море. В 2015 г. состоялось 6 масштабных учений, а в 2016 г. – уже 12. Главная цель – не столько «демонстрация мускулов», сколько доказательство эффективного контроля над данными районами, равно как и изучение потенциального театра военных действий. Так как решение Палаты не затрагивает права чьих-либо военных кораблей на свободный проход, то можно ожидать увеличения активности китайских моряков.

37 Salaverria L.B. Duterte defuses separation 'bomb': Ties with US remain. *Philippine Daily Inquirer*. October 23, 2016. URL: <http://globalnation.inquirer.net/147533/duterte-defuses-separation-bomb-ties-with-us-remain> (Accessed: 18.08.2017)

38 One Belt, One Road "friends circle" continues to grow. *Asia Times*, March 14, 2017. URL: <http://www.atimes.com/article/one-belt-one-road-friends-circle-continues-grow/> (Accessed: 18.08.2017)

39 Vietnam slams Chinese fishing ban in South China Sea. *Star Tribune*. February 28, 2017. URL: <http://www.startribune.com/vietnam-slams-chinese-fishing-ban-in-south-china-sea/415045394/> (Accessed: 18.08.2017)

До начала третейского разбирательства с декабря 2013-го до октября 2015 г. Китай создал около 3 200 акров (ок. 13 кв. км) искусственных земель на семи коралловых рифах архипелага Спратли. На каждом возведены позиции для батарей ЗРК и ПКР, на некоторых оборудованы ВПП для самолётов тактической авиации⁴⁰. Несмотря на то, что международный судебный орган считает все эти сооружения незаконными, китайское правительство вряд ли решится на их демонтаж. Главный аргумент для Пекина – угроза китайским интересам в ЮКМ со стороны Вашингтона.

Между тем США не намерены легко отказаться от своего доминирования в АТР и ЮВА в частности. В октябре 2016 г. они провели четвёртую демонстративную операцию по защите свободы навигации (FONOP) в Южно-Китайском море, а в феврале 2017 г. направили в данный район авианосец «Карл Винсон» для поддержки операций ВМС. Вашингтон категорически не согласен с притязаниями КНР на приливные образования и проведением на них насыпных работ.

Как предположила старший советник Центра стратегических исследований (CSIS) Бонни Глэйзер, ВМС США должны провести операцию по защите свободы навигации в пределах 12-мильной зоны вокруг рифа Мисчиф с использованием вертолётов и направлением на китайские объекты радаров. Это должно послужить демонстрацией того, что данный остров не является китайской собственностью (Glaser, 2016, p. 5). Американскую позицию поддержала и Япония, которая в мае 2017 г. направила в ЮКМ на три месяца свой

самый крупный военный корабль – эсминец-вертолётносец «Идзумо».

Американский эсминец «Стетем» 2 июля 2017 г. зашел в воды спорных территорий ЮКМ, что вызвало протест Пекина. Ранее, 18 мая 2017 г., в ходе совещания старших должностных лиц страны АСЕАН и Китай согласовали рамочный проект Кодекса поведения сторон в ЮКМ, который должен быть передан на утверждение министрам иностранных дел АСЕАН и Китая в августе 2017 г. И очевидно, что заход американского военного корабля в спорные воды является попыткой США сорвать договоренности стран Ассоциации и Китая.

Как отметил президент США Дональд Трамп в одной из своих июньских публикаций в Твиттере, Вашингтон не удовлетворен действиями Китая в деле урегулирования северо-корейской проблемы, считая их недостаточными. Вероятно, договоренности, которые были достигнуты между Си Цзиньпином и Д. Трампом в ходе визита китайского лидера в США, не оправдали ожиданий Вашингтона. И теперь Соединенные Штаты готовы сменить тактику в отношениях с Китаем и попытаться вынудить Пекин действовать в соответствии с американскими интересами. Интересно, что в июне 2017 г. американский Конгресс также одобрил новые поставки вооружений на Тайвань не в целях оказания острову помощи, а для усиления давления на Китай по северо-корейскому вопросу.

Эксперты полагают, что в ближайшее время военного конфликта между КНР и США в ЮКМ не случится. Во-первых, Китай не обладает военным потенциалом, который мог бы обеспечить однозначную победу. Во-вторых,

40 China's New Spratly Island Defenses. CSIS/AMTI. December 13, 2016. URL: <https://amti.csis.org/chinas-new-spratly-island-defenses/> (Accessed: 18.08.2017)

для Пекина сегодня более выгодно мирное развитие. В-третьих, КНР делает опору на так называемую «умную силу», которая оказывается более эффективной при разрешении конфликтных ситуаций в современном мире. Если предположить, что США будут и далее открыто оспаривать права Китая в ЮКМ, они рискуют проиграть информационное противоборство, так как многие страны ЮВА заинтересованы, скорее, в развитии отношений с КНР. Более того, действия США по так называемой защите свободы навигации Китаю будет легко представить как нарушение его суверенитета и интересов безопасности.

В настоящее время нельзя говорить об эскалации конфликта в ЮКМ, так как это не отвечает интересам ни одной из сторон. Подобные провокации происходят регулярно и нацелены на постоянное поддержание конфликтного потенциала, мешая урегулированию спора и оправдывая военное присутствие США в регионе⁴¹.

В целом, как уже было сказано выше, район Южно-Китайского моря представляет сегодня, скорее, арену американо-китайского противоборства. Некоторые страны АСЕАН действуют сообразно с линией Вашингтона, однако, например Вьетнам, Индонезия, Малайзия, Сингапур и Таиланд, скорее, склонны договариваться с китайцами, предпочитая эфемерную выгоду от контроля необитаемых островов конкретной экономической выгоде. Ситуация осложняется и острой внутрорегиональной конкуренцией, которая, возможно, подпитывается Пекином, а также возрастаю-

щим интересом Австралии и Индии к Южно-Китайскому морю. Вместе с тем реальная эффективность современной внешней политики Китая всё же не так высока. Вопрос урегулирования территориальных споров с соседями Китая склонен решаться с позиции силы, проводя как наращивание возможностей НОАК, так и демонстрируя мощь походами и учениями. В отношениях с США ключевую роль для КНР играют минимальное ядерное сдерживание и комплексная взаимозависимость экономик.

Список литературы:

Барабанов М.С., Кашин В.Б., Макиенко К.В. (2013). *Оборонная промышленность и торговля вооружениями КНР*. М.: Центр анализа стратегий и технологий; Российский институт стратегических исследований. 272.

Воскресенский А.Д. (2010). *«Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации*. М.: МГИМО. 444.

Гурулева Т.Л., Макаров А.В. (2011). *Китай: многостороннее сотрудничество в системе безопасности Северо-Восточной Азии (Россия, США, РК, Япония, Монголия, КНДР)*. М.: Юрист. 335.

Комиссина И.Н. (2017). Морской Шёлковый путь XXI века – глобальный геополитический проект Китая. *Проблемы национальной стратегии*, (1). 60–81.

Крячкина Ю.А. Новые тенденции в оборонной политике Японии. *Проблемы национальной стратегии*, (5). 136–151.

Фененко А.В. (2013). *Современная международная безопасность: ядерный фактор*. М.: «Аспект Пресс». 573.

41 Зеленкова М.С. Заход американского эсминца в спорные воды: попытка надавить на Пекин? Российский институт стратегических исследований: официальный сайт. 03.07. 2017. URL: <https://riss.ru/analytics/41964/> (Дата обращения: 19.08.2017)

Banlaoi R.C. (2013). US-Philippines Alliance: Meeting 21st Century Security Challenges Baker C., Glosserman B. (eds). *Doing More and Expecting Less: The Future of US Alliances in the Asia Pacific*. 55–66. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/161906/IssuesInsights_vol13no1.pdf (Accessed: 15.08.2017)

Blanchard J.M. (2003). Maritime Issues in Asia: the problem of adolescence. Alagappa M. (ed.). *Asian Security Order: Instrumental and Normative Features*. Stanford: Stanford University Press. 424–457.

Dolven B., Kan Sh. A., Manyin M.T. (2014). Maritime Territorial Disputes in East Asia. *Congressional Research Service Report*, (R42930). 42. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/R42930.pdf> (Accessed: 15.08.2017)

Glaser B.S. (2016). *Seapower and Projection Forces in the South China Sea. Statement before the House Armed Services Subcommittee on Seapower and Projection Forces*. Center for Strategic and International Studies (CSIS). 7. URL: <http://docs.house.gov/meetings/AS/AS28/20160921/105309/HHRG-114-AS28-Wstate-GlaserB-20160921.pdf> (Accessed: 15.08.2017)

Jian Zhang. (2015). China's new foreign policy under Xi Jinping: towards 'Peaceful Rise 2.0'? *Global Change, Peace & Security*, 27 (1). 5–19. DOI: 10.1080/14781158.2015.993958.

Kaplan R. (2014). *Asia's Cauldron: the South China Sea and the end of a stable Pacific*. New York: Random House. 230.

Mearsheimer J. (2001). *The Tragedy of Great Powers Politics*. New York: W.W. Norton. 555.

O'Rourke R. (2017). Maritime Territorial and Exclusive Economic Zone (EEZ) Disputes Involving China. *Congressional Research Service Report*, (R42784). 94. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/R42784.pdf> (Accessed: 15.08.2017)

Scott Sh.V. (2016). China's nine-dash line, International Law and the

Monroe Doctrine analogy. *China Information*, 30 (3). 296–311. DOI: 10.1177/0920203x16665054

Valencia M.J. (2012). The South China Sea Disputes. *Global Asia*, (Fall). 56–73.

White H. (2010). Power Shift: Australia's Future between Washington and Beijing. *Quarterly Essay*, (39). 83.

References

Banlaoi R.C. (2013). US-Philippines Alliance: Meeting 21st Century Security Challenges Baker C., Glosserman B. (eds). *Doing More and Expecting Less: The Future of US Alliances in the Asia Pacific*. 55–66. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/161906/IssuesInsights_vol13no1.pdf (Accessed: 15.08.2017)

Barabanov M.S., Kashin V.B., Makienko K.V. (2013). *Defense industry and arms trade of the PRC*. Moskva: Tsentri analiza strategii i tekhnologii, Rossiiskii institut strategicheskikh issledovani. 272.

Blanchard J.M. (2003). Maritime Issues in Asia: the problem of adolescence. Alagappa M. (ed.). *Asian Security Order: Instrumental and Normative Features*. Stanford: Stanford University Press. 424–457.

Dolven B., Kan Sh. A., Manyin M.T. (2014). Maritime Territorial Disputes in East Asia. *Congressional Research Service Report*, (R42930). 42. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/R42930.pdf> (Accessed: 15.08.2017)

Fenenko A.V. (2013). *Modern international security: the nuclear factor*. Moskva: «Aspekt Press». 573.

Glaser B.S. (2016). *Seapower and Projection Forces in the South China Sea. Statement before the House Armed Services Subcommittee on Seapower and Projection Forces*. Center for Strategic and International Studies (CSIS). 7. URL: [133](http://docs.house.gov/meetings/AS/AS28/20160921/105309/HHRG-114-</p>
</div>
<div data-bbox=)

AS28-Wstate-GlaserB-20160921.pdf (Accessed: 15.08.2017)

Guruleva T.L., Makarov A.V. (2011). *China: multilateral cooperation in the security system of Northeast Asia (Russia, USA, RK, Japan, Mongolia, North Korea)*. Moskva: Yurist. 335.

Jian Zhang. (2015). China's new foreign policy under Xi Jinping: towards 'Peaceful Rise 2.0'? *Global Change, Peace & Security*, 27 (1). 5–19. DOI: 10.1080/14781158.2015.993958

Kaplan R. (2014). *Asia's Cauldron: the South China Sea and the end of a stable Pacific*. New York: Random House. 230.

Komissina I.N. (2017). The Sea Silk road of the XXI century is a global geopolitical project of China. *Problemy natsional'noi strategii*, (1). 60–81.

Kryachkina Yu.A. New trends in the defense policy of Japan. *Problemy natsional'noi strategii*, (5). 136–151.

Mearsheimer J. (2001). *The Tragedy of Great Powers Politics*. New York: W.W. Norton. 555.

O'Rourke R. (2017). Maritime Territorial and Exclusive Economic Zone (EEZ) Disputes Involving China. *Congressional Research Service Report*, (R42784). 94. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/R42784.pdf> (Accessed: 15.08.2017)

Scott Sh.V. (2016). China's nine-dash line, International Law and the Monroe Doctrine analogy. *China Information*, 30 (3). 296–311. DOI: 10.1177/0920203x16665054

Valencia M.J. (2012). The South China Sea Disputes. *Global Asia*, (Fall). 56–73.

Voskresenkii A.D. (2010). «Greater East Asia»: world politics and regional transformations. Moskva: MGIMO. 444.

White H. (2010). Power Shift: Australia's Future between Washington and Beijing. *Quarterly Essay*, (39). 83.

Информация об авторе

Андрей Владимирович Губин, кандидат политических наук, доцент, Восточный институт, Школа региональных и международных исследований, Дальневосточный федеральный университет

690000, Российская Федерация, Приморский Край, Суханова ул., 8
andrey.gubin@mail.ru

About the Author

Andrey V. Gubin, Cand. Sci. (Pol.), Associate Professor, Oriental Institute, School of Regional and International Studies Far Eastern Federal University

8, ul. Sukhanova, Vladivostok, Primorsky Krai, Russian Federation, 690000
andrey.gubin@mail.ru